

Марк РОЗОВСКИЙ: Если сегодня не заниматься пиаром, то тебя просто задвинут и поставят у парашаи

Беседовала
Евгения Ульченко

Журналист, педагог, писатель, сценарист, драматург и режиссер, народный артист России Марк Розовский многим успел позаниматься в жизни, прежде чем в 1983 году организовал театр «У Никитских ворот» — один из самых камерных и элитарных столичных театров. Сегодня он беседует с нашим корреспондентом о книгах, театре и вообще обо всем на свете.

— Марк Григорьевич, как вы относитесь к тому, что ваш театр считается театром для избранных?
— Вся прелесть в том, что этими избранными могут быть все. Конечно, хорошая, так называемая театральная публика, — это наша обедневшая или, во всяком случае, не разбогатевшая интеллигенция. Инженеры, учителя, врачи, студенты, школьники... Но это не значит, что рабочим, поварам или банкирам вход в театр запрещен. Я рад любому зрителю, который к нам приходит.

— Как изменился ваш репертуар за последнее время?
— Очень сильно обновился. С аншлагом идут спектакли «Не боюсь Вирджинии Вулф», «Вишневый сад», «Черное молоко», «Праведники», «Сарданпал», мюзикл «Кабаре, или Боб Фосс живет в Москве». Сравнительно недавно была премьера моего спектакля «Собаки» по повести Константина Сергиенко «До свидания, овраг». Режиссер Аркадий Кац выпустил спектакль «Скупой» по Мольеру. А к закрытию прошлого сезона мы с ним соединили свои работы и «дуэтом» поставили спектакль «Два Чехова».

— Давно и с успехом у вас идут «Дядя Ваня», «Доктор Чехов», «Вишневый сад», а теперь новая премьера по рассказам русского классика.
— Когда ставишь чеховские вещи — это что-то несусветное, и ты счастливее всех. Даже забываешь о том, что сегодня из Чехова делают авангардного идиота. На Украине, к примеру, его «Трех сестер» умудрились поместить в концлагерь, и во время спектакля со сцены звучат марши. Бедный Чехов совершенно героически терпит разнообразные приемы, и слава богу, что они ему как слону дробинка. Мне рассказывали как-то о молодом режиссере, который собирался поставить Чехова, потому что его пьесы полны любви. На вопрос, о какой любви идет речь, режиссер ответил: «Как — о какой любви? Соленый и Гудобах — они же в любовных отношениях...» У меня полсыз истают дыбом — я не хочу смотреть такого Чехова. И никогда не буду смотреть. Думаю, что наши дети тоже не должны смотреть такого Чехова.

— Сегодня просто мода пошла на «Вишневые сады». Многие известные режиссеры ставят сейчас эту пьесу. В чем отличие вашей постановки?
— Пьеса эта теперь не только актуальна, но, я бы даже сказал, злободневна. Помните, один из чеховских персонажей говорит: «Вся Россия — наш сад». А заканчивается чем? Сад идет с молотка. Пьеса доказывает и предупреждает,

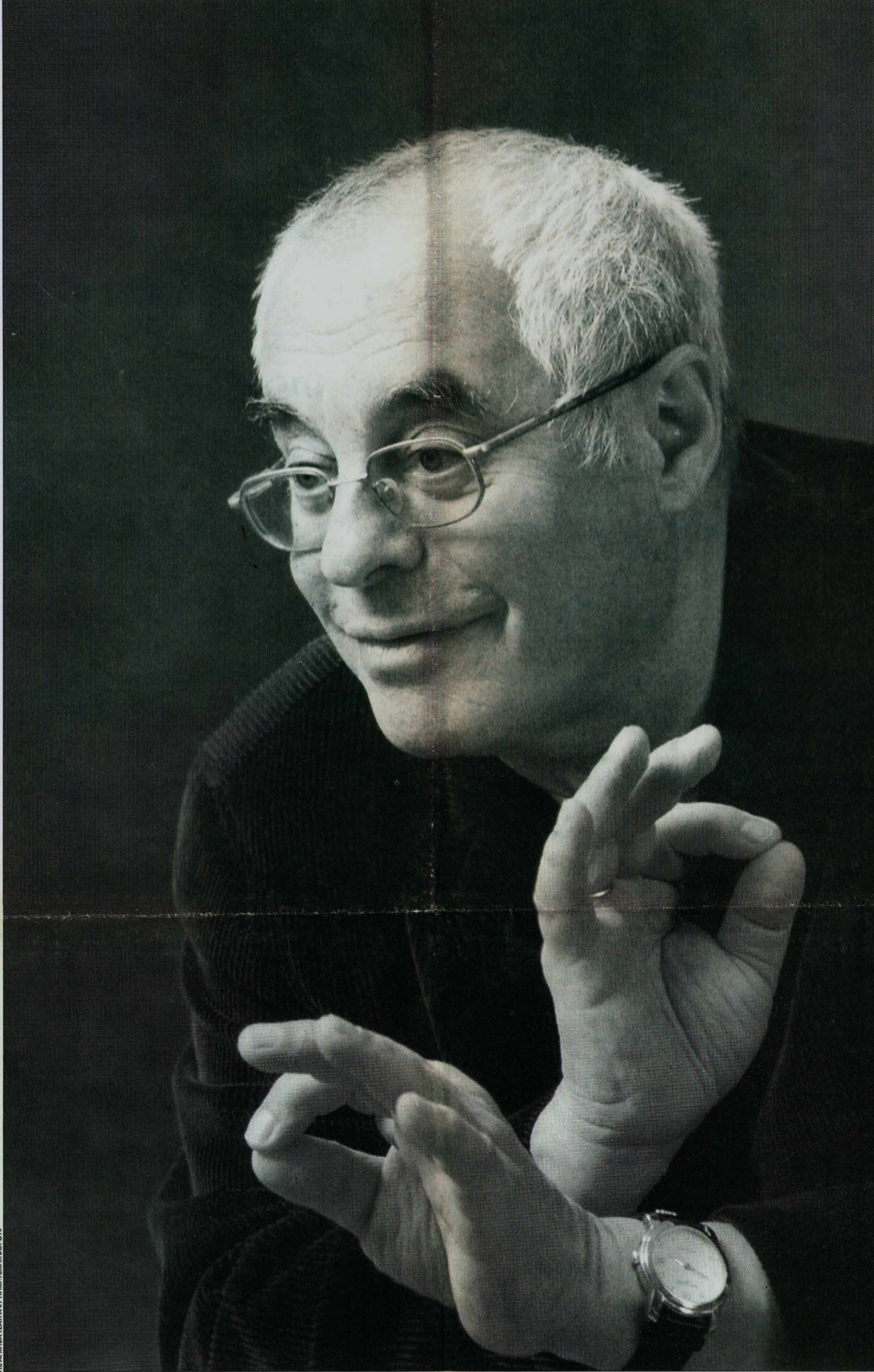
что причины всех наших бед прежде всего в психологии, в том, что происходит внутри каждого человека. У нас принято ставить «Вишневый сад» как пьесу о беспечности и легкомыслии российского. Я с такой трактовкой категорически не согласен. Речь в данном случае не о беспечности, а о совершенно сознательном смирении с собой какой бы то ни было ответственности. О нежелании трудиться, о нежелании работать. Благодаря чему и происходит дикое разрушение, участниками которого мы являемся по сей день. Что такое «Вишневый сад»? Это диагноз нашему обществу, и это пророческая вещь.

— В своих постановках вы всегда внимательно относитесь к слову. С чего, по вашему мнению, начинается театр. Если не с вешалки, то тогда, возможно, с книги?
— На самом деле театр начинается с ключа от помещения, в котором эта вешалка стоит. А что касается книги, то давайте вспомним слова Достоевского: «Сцена — не книга». Это два абсолютно разных вида искусства, на пересечении которых и рождаются сегодня самые интересные художественные произведения.

— В XX веке была востребована необычная пьеса — пьеса-сценарий. Естественно, что автору всегда хочется, чтобы его вещь правильно прочитали. Недаром мы имеем не только пьесу Гоголя «Ревизор», но и потрясающие заметки Николая Васильевича о том, как ставить «Ревизора». И недаром Мейерхольд, когда его театр был разгромлен, на вопрос о том, что он теперь собирается делать, ответил: «Буду писать роман «Гамлет»».

— Что это значит?
— Пьеса Шекспира имеет вокруг себя огромное пространство. Текст в этом случае оказывается важной, но не все определяющей категорией. Если мы у себя в театре ставим «Два Чехова», то речь идет о всем Чехове. Если на сцене «История лошади», то перед зрителем соответственно весь Толстой. И если литература — дело, то театр — игра. Но первоисточник — мой диктатор и ориентир. Я вхожу в мир автора, принимаю его образ, живу его идеями. Это такой кайф — быть немножко Толстым, немножко Шекспиром, немножко Чеховым. А может быть, и немножко.

— Мейерхольд писал на своих афишах: автор спектакля. Вы за авторский театр?
— Естественно. Если человек пишет для сцены, то при всей своей гениальности он должен сознавать, что создает некий полуфабрикат. Даже Шекспир писал пьесы для себя как для руководителя «Глоубуса». То же самое

делали и Мольер, и Еврипид. Чистые драматурги, создающие свой стиль и мир, — редкость. Таким был Гоголь, таким был Островский. А вот Пушкин, мне кажется, еще ждет своего звездного часа. «Драма родилась на площади», — писал великий русский поэт, но пока мы еще только приобщаемся к пушкинскому театру.

— Вы единственный российский драматург и композитор, чей мюзикл «Страйдер, или История лошади» исполнялся на Бродвее — на сцене Хелен Хейс. Вы же отрицаете развлекательную функцию театра «У Никитских ворот»?

— К чему лицемерить — людям порой хочется в «отрыв», им необходимо отдышаться. И это совершенно нормально. В нашем репертуаре наряду с классиками и современниками много музыкальных спектаклей — «шампанских зрелищ» с фейерверками и даже канканом. Я не против веселья и благодушия, надо только не забывать, что это лишь одно из направлений русского искусства.

— Вашим учителем был Товстоногов?
— Георгий Александрович не был моим учителем, но я считаю его учеником. Я за живой академизм. Театр

открыт для любого эксперимента. Мне близко все, что раскрывает человека: и глубинный психологический театр, и авангардный.

— Вы являетесь и автором, и режиссером постановки моноспектакля «Черный квадрат». Модернистская черная дыра вот уже несколько лет зияет на подмостках вашего театра как сцена на сцене. Что вы думаете по поводу русского авангарда?

— Право на авангард нужно выстрадать, отголодать. Авангардист должен жить, мучаясь и страдая, как Кафка. Ведь Кафка не ходил на тусовки, не жрал икру ложками, не получал гранты, не мелькал в глянцевах журналах и не ездил на фестивали. А давайте посмотрим на жизнь Беккета или Ионеско, да и на русских авангардистов XX века. Глубоко трагична судьба Хармса, судьба Введенского, судьба Олейникова. А наши теперешние авангардисты процветают и могут сорить деньгами направо и налево, что и делают без зазрения совести. Я против несдвоенности, которое превращается парламентами в чисто коммерческий промысел.

— Что вообще сейчас происходит с нашими театрами? С репертуарными в первую очередь.

— Репертуарный театр — высшее достижение русской театральной культуры. И спустить его в мусоропровод нельзя. Конечно, надо что-то делать, потому что наше государство настолько обнищало, настолько беспомощно, что не в силах тянуть такой воз. Но пока нет законов о театре и меценатстве, ликвидация репертуарных театров — преступление и перед культурой, и перед нашей историей. В мире такие законы давно выработаны и действуют. Там выгодно давать деньги на культуру, а у нас, если уж кто-то присосался к нефтяной трубе, то и сосет ее один до умопомрачения. У нас в порядке вещей унижаться перед властями, предержавными и на коленях ползать. Есть давнее решение правительства Москвы, по которому театру «У Никитских ворот» передано помещение бывшего кинотеатра Повторного фильма, подлежащего капитальному ремонту. И что? Уже много лет в центре Москвы стоит бельмом на глазу у всех это здание, сейчас мы его занавесили. Конечно, там кое-что сделано за долгие годы, но надо же прекратить этот позор. Театр — главное в моей жизни, я готов встать на колени, но никому на хрен не нужен мой позор. Может

быть, они смерти моей ждут? Как хорошо — сдох! А то все просит и просит. Надоед уже этот Розовский! Но я же не дачу себе строку и ни рубля не украд. Это их, видимо, очень огорчает. Поэтому что запретить меня, как в советские годы, нельзя.

— Как вам кажется, возможно ли сегодня возвращение цензуры?
— В театр она пока не вернулась. Может, просто руки не дошли. Но даже если это произойдет, то в мягких формах. Когда отсутствуют идеологемы, манипулировать общественным мнением гораздо легче. Тоталитаризм тут же рождает протест, а сейчас можно просто кого-то тихо задунуть подушкой, отказать в лицензии или лишить, как в прежние годы, субсидирования. Власть одумалась, и с ее стремлением к авторитарности не запрещает теперь все подряд. Разрешенный ею разгул пошлости управляет лучше любых запретов. Наравне с PR-технологиями.

— Вы можете себе позволить не заниматься пиаром?
— Если сегодня не заниматься пиаром, то тебя просто задвинут и поставят у парашаи. И ты лишишься зрителя. Чтобы соответствовать этому паршивому новому духу, я у себя в театре со-

здаю сейчас рекламный отдел. Ну не разговаривают теперь по гамбургскому счету, а бред сивой кобылы бывает так круто отпиарен, что никто просто не вспоминает о художественных достоинствах. В общем шуме торжествует пустота, а в птичьей гаме не слышно ни одного Моцарта.

— А к антрепризе вы как относитесь?
— Беда ее в том, что она пока, за редчайшим исключением, не предввела обществу никакого искусства. Хотя звездные составы мелькают и тусуются, потому что публика, особенно в провинции, буквально безумеет, когда видит знакомое лицо. Зрители ходят смотреть на звезд, как в зоопарк. Потом они плюются, чертыхаются: «Боже, какую гадость мы посмотрели, но зато мы видели в двух метрах от себя Н!..» Звезды от этого, конечно, страдают. Они все прекрасно понимают, что торгуют своим лицом. Ну, нельзя за месяц или полтора сделать в России полноценный спектакль! Хочется верить, что придет время, когда антреприза начнет создавать художественные проекты. Такую антрепризу я готов поддержать, это путь обновления театра. Только бы она не переняла его в театр сферы обслуживания, в этом главная опасность.

— Театральные фестивали к сфере обслуживания имеют отношение?
— Смотря какие фестивали. Когда сфера обслуживания заказывает меню, то из праздника фестиваль превращается в лихое организованное мероприятие. Порядок мест в подобных шоу конкретно определен — по пробуй-ка втиснись! Я называю это «синдромом Брежнева» — чем больше наград, тем значительнее их обладатель. Зачастую участникам фестивалей не хватает профессионализма и вкуса. Включите телевизор: «очень сильно кривляются» — 1-я премия, «сильно кривляются» — 2-я премия, «просто кривляются» — 3-я. Я даже статью об этом написал — «Товстоногова на вас нет, господа!» И на нас, впрочем, тоже...

— Вы ведете курс в РГГУ, в Институте русского театра, преподаете на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Как вы относитесь к тому, что сегодня можно не учиться в ГИТИСе на эстрадном факультете, а за два-три месяца с помощью парикмахера, визажистов и «фанеры» «стать звездой»?

— Вы говорите о какой-нибудь «фабрике звезд», торгующей живым товаром? Это злостное нарушение норм, которые наше искусство вырабатывало столетиями. Конечно, с помощью денег раскрутить и сделать дико популярным любого недоучку можно, но только что потом будет с этой пенью? Те же тенденции и в драматическом театре. Сначала в кино снимается сценаристка, потом ее прилапывают на глянцевах и пьесу Чехова — и вот вам, пожалуйста, все уже торжует о большой удаче актрисы. Но актриса ли это? Для меня это большой вопрос.

— Но ведь и сам Константин Сергеевич не заканчивал Школу-студию МХАТа?
— Конечно, бывают исключительные случаи. В конце концов, я тоже не имею театрального образования. Однако, чтобы овладеть профессией, всегда нужны были титанические усилия. А сегодня для этого требуются титанические деньги.

— Что, на ваш взгляд, происходит сегодня с нашей культурой?
— Общество дичает, а культура находится за дворами. Что же до массового, то это вообще не искусство. Массовая культура — антикультура, средство обол-

ванивания. Благодаря огромным деньгам, которые в нее вкладываются, и того, что мы называем «шоубизнесом», происходит большая деформация нашего сознания. Она медленно, но верно приучила нас к мысли, что является тем самым искусством, которое людям необходимо.

— То есть хамская фраза «Пипл хавает» соответствует тому, что происходит вокруг?
— Она цинична, но, к сожалению, это диагноз. «Пипл хавает» дерьмо. Что ему ни подложи, этому «пиплу», то он и схавает. Компьютеризация тоже медленно и упорно ведет к одиночеству, потому что люди с утра до ночи смотрят на экран и становятся придатками к своим мониторам. Им не до театров и книжек. Массовая культура во всем мире — не только у нас — победила человека и сделала его обезьяной.

— Что же ждет нас в будущем?
— Культуре на самом деле ничего не грозит, потому что культура — есть Бог. Богу чтонибудь грозит? Ничего не грозит. Это нам грозит бескультурье.

— Искусство может как-то повлиять на эту ситуацию?
— Искусство не должно звать к каким-то идеям. Оно должно защищать униженных и оскорбленных, защищать человека, его внутреннюю свободу. Искусство нельзя подменять митингом, ни собранием, ни выборами. Это акт жизни в образах. Если в общении с этими образами ты сам до чего-то допер и в результате изменился, то слава богу.

— Как вы, человек искусства, оцениваете влияние телевидения?
— Телевидение — это катастрофа, страшный инструмент воздействия на человека. Лично я смотрю только спортивные и политические передачи.

— А как же канал «Культура»?
— Само существование канала «Культура» нельзя не поддерживать. Хотя если бы у нас было абсолютно свободное общество, то появление такого раздела было бы странным. Мне очень многое в нем нравится, и я часто бываю там комментатором разных передач. Единственное, о чем мечтаю, — чтобы полноценно возродился жанр показа телевизионных спектаклей или просто лучших спектаклей. Тут я лично заинтересован. Канал «Культура» делает это и сейчас, но крайне редко.

— Что значит в вашей жизни близкие вам люди, семья?
— Я счастлив, потому что жизненные силы я черпаю в своей жене, детях и теще, у которой жизненные силы тоже очень могучие. Детей у меня трое: две дочери и сын. Одна дочь уже выросла — умница и красавица. Даже не умница — она мудра и прекрасна. А ее милейший сын еще только учится мудрости и прекращает сам по себе.

— Вернемся к нашему спектаклю «Черный квадрат» — там сплошная чернота и полный мрак, неумолимо глотающий время и судьбы. А как же свет в конце туннеля и где надежда на спасение?
— Чем больше смотришь на черный квадрат, тем сильнее он тебя в себя втягивает. Самое главное при этом — остаться самим собой, остаться человеком. Не дать захватить себя хаосу, а в крошечной мгле ощутить краски мира и почувствовать прелесть и смысл жизни в ее многоцветии. Собственно для этого я и писал пьесу.

Слова
Евгений Евтушенко, поэт:
— Я просто обожаю людей, влюбленных в жизнь. Ведь, несмотря на все ее мерзости, в ней много чего хорошего. В жизни Марка Розовского пакостей было не меньше, чем у других и чем у меня. Я восхищаюсь его мудростью, талантом и жизнелюбием. В свои седьмые годы он молод, весел и бодр, как десятиклассник. Как ему это удается — отдельная тема. Я не делю людей на своих и чужих, но с ним у меня одна группа крови. Летом, в июле, когда бываю в Москве, стараюсь обязательно сходить в его театр на спектакль «Песни нашего двора». И не представляю теперь себе Москвы без этого двора у Никитских ворот.